

Средняя Азия крупным планом

Я. МЮРДАЛЬ, Г. КЕССЛЕ

Ян Мюрдаль, молодой шведский писатель, — автор нескольких книг, в том числе повести «Возвращение», переведенной на русский язык. Вместе со своей женой, известной шведской художницей Гюн Кессле, он в течение многих лет путешествует по странам Азии. Осенью прошлого года Ян Мюрдаль и Гюн Кессле совершили поездку по советским республикам Средней Азии. Они хотят написать об этом книгу. Ниже публикуются их путевые впечатления, взятые из серии статей, напечатанных в шведской газете «Ню даг».

ВЕТЕР ИЗ КАРАКУМОВ

ПРЕЖДЕ чем пересечь границу Советской Средней Азии, мы провели в пути почти три года. Но это вовсе не означает, что мы попали в Среднюю Азию только через три года после начала путешествия. Пустыни, горы, людей, культуру мы успели повидать еще до того, как приехали в Советский Союз. И это немаловажное обстоятельство. Население одинаково, что к северу, что к югу от Аму-Дарьи. Люди поют те же песни, говорят на том же языке, у них те же традиции. И еще одно важное обстоятельство: Средняя Азия не есть нечто единое. Она полна различий, не менее значительных, чем различия между европейскими народами.

Но мы хотели попасть именно в Советскую Среднюю Азию. Нами владело не только желание посмотреть памятники древней культуры. И даже не только жажда странствий. Нет, просто мы три года ездили по нищей Азии и жили в нищей Азии. Видели там много обнадеживающего, всем сердцем приняли сдержанную, мужественную, суровую традицию Афганистана, но видели и жестокую, гнетущую нужду в Иране и Пакистане, нужду почти невероятную, которая помогает какой-то горстке накапливать богатства, столь неисчислимы, что на это тошно было глядеть. Когда живешь в нищей Азии, у тебя порой сжимаются кулаки. И ты начи-

наешь по-крестьянски верить в бога, верить, что настанет день страшного суда, когда овцы будут отделены от козлищ и мир очистится огнем.

...В Европе с легкостью необычайной говорят о «русской Средней Азии». Но она совсем не русская. Она туркменская, узбекская, таджикская. Она связана общностью культуры с иранскими и турецкими традициями, но никак не русскими и не славянскими. Алфавит там сейчас принят русский — это вопрос практический, политика тоже общая, но Средняя Азия никак не стоит на пути русификации. Скорее напротив: именно сейчас там идет бурный процесс консолидации и развития национальных культур.

Приехать из нищей Азии в Советскую Азию — значит увидеть мир, где торжествует разум. Конечно, тому, кто приехал сюда непосредственно из благоденствующей Швеции, Туркменистан может показаться страной небогатой, страной пыли, глинобитных домишек, страной палящих дней и знойных ночей. Но это впечатление возникнет лишь потому, что приехавший не будет располагать ни перспективой, ни конкретными объектами для сравнений. А вот приехав из нищей Азии, воспринимаешь советские республики как разум, прогресс и благоденствие. Кочевые племена стали нацией. Женщины стали людьми, полноправными людьми. Неграмотность ликвидирована. Болезни уничтожены. Жизненный уровень возрос. Личность стала свободной, ибо ее не сковывают теперь кастовые предрассудки, не гнетет нужда, не ограничивают древние запреты. У нее есть залог светлого будущего: большие каналы, большая промышленность, неуклонный рост производства, прекрасные университеты.

Политическое значение республик растет с каждым днем.

Ветер из Каракумов улетает далеко за пределы Советского Союза. Но не только облака лёссовой пыли несет он из Черных песков. Ветер революции, который дует из Страны Советов, разносится по всей Азии. Пример среднеазиатских республик становится с каждым днем все более убедительным.

ЗНАКОМСТВО С КОЧЕВНИКАМИ КОММУНИЗМА

...Ночью мы отправились вдоль канала в Мары. Мы ехали по новой дороге. Арыки разносили воду по пустыне. Впрочем, самой пустыни больше не было. Были плодородные поля.

Аму-Дарья — большая река. Некогда она текла через Каракумы и впадала в Каспийское море. Сейчас она впадает в Аральское. Каракумы — Черные пески, мертвая, сухая пустыня. Сейчас Аму-Дарью направляют к Каспийскому морю.

— Воды Аму-Дарьи должны пойти на орошение, — говорит Серафим Иванович Мельников, инженер, — плечистый, рослый, с широкой улыбкой.

— А как же Аральское море? — спрашиваем мы. — Что же будет, когда оно совсем пересохнет?

— Мы повернем течение сибирских рек, — отвечает Мельников. — А всю воду Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи можно смело пустить на орошение.

Пыль курится над полем. Тончайшая пыль, которая даже не хрустит на зубах, от которой не першит в горле и которая становится плодородной почвой, если ее скрепить и увлажнить. Солнечные блики дрожат на поверхности ленивой мутной речушки. Это Мургаб. Всей воды Мургаба не хватит даже для чайной в Мары.

— Мы подольем в Мургаб немного воды из канала, — объясняет Мельников. — А самый канал пропустим через акведуки над его руслом.

Канал будет очень большим. К нашему приезду было проложено четыреста километров, еще сто сорок вот-вот должны были сдать, а в Ашхабаде создавались планы последнего, завершающего участка — до Красноводска на Каспийском море. Это будет очень большой канал, судоходный на всем протяжении, вплоть до Ашхабада.

— Собственно говоря, — продолжает Мельников, — это даже и не канал, а река. И потому его не может засыпать песком. Он будет, как река, очищать сам себя. Мы строим новую реку.

Едем через пустыню в Тедженский оазис. Едем по компасу. Мотор глухо рожает, когда машина карабкается на барханы. Перед нами во все стороны раскинулись пески. Солнце слепит глаза.

— По плану на строительство участка от Мары до Теджена отводилось три года, — говорит Мельников. — А мы его кончили за восемь месяцев. Мы предоставили воде самостоятельность. Пусть сама прокладывает себе путь — под нашим руководством. Согласитесь, что восемь месяцев на сто сорок километров — это совсем недурно. Когда я был молод и работал на Турксибе, я никогда бы не поверил, что возможны такие темпы.

...Бульдозеры распаивают пустыню. Жарко. Желтые барханы контрастно рисуются на густо-синем небе. Солнце поднимается все выше, жара становится все невыносимее, она съедает яркие краски природы. Городок строительных рабочих. Домакрыты брезентом. Его поливают водой, отчего в комнатах становится чуть прохладнее.

— Мы — кочевники коммунизма, — говорит молодой бульдозерист. — Год в туркменской пустыне, другой — в сибирской тайге. Семья тоже привыкла к вечным переездам.

Он обводит рукою вокруг. Во все стороны — пустыня, песчаная, желтая, безлюдная. Он говорит:

— Через две недели пустим воду. А через два года здесь будут сплошные поля.

ДЕВЯТЬ ДЕСЯТЫХ — ПУСТЫНЯ

Девять десятых Туркменистана занимает пустыня. Тысячелетиями вся жизнь сосредоточивалась вдоль Копет-Дага. Это горы на иранской границе, удерживающие здесь ту каплю влаги, которая есть в стране. Земледелие ограничено зелеными оазисами у Мургаба, Теджена и Аму-Дарьи. Все остальное — пустыня. Каракум. Черные пески.

Древние земледельческие районы. Анау под Копет-Дагом — место, где найдены старейшие в мире следы земледельческой культуры. Но районы эти всегда были бедны. Лишь на Мургабе, возле Мерва, могли вырасти богатые города. К западу пустыня становится все суше и суше и наконец обращается в полосу совершенно выжженной, богем проклятой земли вдоль берегов Каспийского моря. Осадки здесь ничтожны, как в Сахаре. Население составляли кочевые племена.

...Молодой поэт Алаберды сидел рядом с нами в зале Ашхабадской оперы. Он сидел в кресле, словно в седле, — выпрямившись, положив руки на колени и расставив ноги. Его суровое лицо казалось «по-фински» неподвижным. Мы знаем его как очень душевного человека, но сейчас только глаза выдадут, до чего он захвачен спектаклем. Всего лишь поколение назад его народ слез с коня. Было время, когда туркмены наводили ужас на Персию. Ни-

щие кочевники, хозяева пустыни, стремясь «подрабывать», охотились на персов и продавали их в рабство. Мужчины-наездники и женщины в красных платьях — вот как выглядел этот воинственный народ.

Но воинственность была лишь одной стороной его жизни. Другой была безысходная нужда. Свои же богатеи высасывали из народа все соки, он был обречен на скитания по суровой, бесплодной пустыне.

Меньше чем за одно поколение здесь было построено современное общество. За какие-нибудь десять лет создали совершенно новую культуру. В этих краях, где вообще не существовало городской цивилизации, возникла своя театральная традиция и своя литература. И — как ни странно — все эти изменения происходили куда безболезненнее, чем в древних и культурных городах Узбекистана. Здесь все новое. Настолько новое, что, кажется, на стенах домов едва успела высохнуть краска. А всего новое Ашхабад — столица Туркмении. Он был полностью разрушен во время землетрясения 1948 года. Конструктивные и декоративные идеи в архитектуре сегодняшнего Ашхабада основаны на национальной декоративной традиции, согласованной с современными принципами градостроительства.

Об этом у нас зашла речь с Берды Кербабеевым, председателем Союза писателей Туркмении. Берды Кербабеев сказал:

— Мы ищем.

Потом он заговорил о молодежи. О гражданской войне. О том, как он приехал в Москву учиться.

— Нам нужен был свой университет, потому что нам надо было всему учиться, все начинать на пустом месте. Вот почему в СССР создан теперь университет для молодежи стран Азии, Африки и Латинской Америки. Мы-то знаем, как много надо знать, чтобы построить страну.

...Но пустыня вовсе не так бедна, как может показаться. Под песками Каракумов скрыты многочисленные месторождения. Возле Небит-Дага — Нефтяной горы — вырос новый город. Деревьям здесь всего по шесть-семь лет. Мне с гордостью показывают план будущего города. Его расстилают на столе у председателя горсовета. Зеленый пояс. Новые кварталы. Здесь рассчитывают предоставить каждой семье двухкомнатную квартиру.

— Двухкомнатную, понимаете?

Говорим с Берды Кербабеевым. Он посвятил роман нефтяникам Небит-Дага. О героях Кербабеева говорят, как о живых людях. Город так молод, культура так нова, что литература и действительность сливаются воедино и историю меряют трехлетиями. «Много лет назад», — говорят здесь, когда имеют в виду 1957 год.

На новом месторождении в Кум-Даге скелеты вышек вздымаются из песка. Вся добыча автоматизирована. Молоденькая девушка сидит за контрольным пультом и обслуживает двести вышек.

Директор «Кумдагнефти» Таги Салтыков говорит:

— Я первый туркмен, который управляет нефтяным промыслом. Первый во всем мире.

Мы глядим на него. Невысокий, крепко сложенный, сверкающие глаза. Вот самое сильное впечатление. На памяти одного поколения народ перешагнул пропасть, отделяющую нищету и работорговлю от современного общества, оснащенного передовой техникой. И с бьющей через край жаждой жизни усвоил и воспринял все новое.

Вот что производит самое большое впечатление далеко за пределами Советского Союза.